

Темнота успокаивала, во тьме не было боли, и она была мирной. Впервые за восемнадцать лет Гарри Поттер почувствовал полный и абсолютный покой, здесь больше не было ни войны, ни боли, ни страданий, только мир, и он бесцельно дрейфовал в темноте, и все ощущения времени и места перестали иметь какое-либо значение.

Но среди окружавшего его покоя внутри него начало расти одиночество, а вместе с ним и страх. Он был мертв, он знал, что мертв, но почему он был один? Где его друзья, его семья, все, кто умер до него, разве они не ждут его или не бросили его? А может, это должно было стать его наказанием, наказанием за то, что он не закончил войну раньше, за то, что позволил своим друзьям умереть и пожертвовать собой ради него, когда он должен был умереть один, один погибнуть. Они сражались за него, их вели за собой, а он предал их надежду и привел их к гибели.

В войне была его вина. Если бы он не родился, его родители и все те, кто погиб, сражаясь во второй войне волшебников, были бы живы, но он убил их, и поэтому его никто не ждал, поэтому он был один. Он был убийцей, и он заслужил это одиночество, заслужил бесцельно дрейфовать в темноте до конца вечности, всегда зная, что это он виноват в смерти своих друзей, это его действия привели к их гибели.

Он заслуживал худшего, чем одиночество, он заслуживал страдания, он не заслуживал того покоя, в котором оказался. И словно в ответ на эту мысль он почувствовал, как боль снова начинает проникать в его тело, и он позволил ей вернуться. Это было не что иное, как то, что он заслужил. Он заслуживал того, чтобы страдать каждый день до конца вечности за невинную кровь, запятнавшую его руки.

Боль снова захлестнула его, острая и жестокая, пронзая вены, и Гарри прикусил губу, чтобы не закричать. Он не собирался издавать ни звука, он будет терпеть эти муки вечно в полной тишине, как дань уважения людям, отдавшим за него свои жизни. Он был обязан им хотя бы этим.

Но к нему возвращалась не только боль, в его сознание начали проникать и другие ощущения. Прохладное дыхание ветра на лице, прохлада в воздухе, твердое давление каменистой почвы под головой, липкость крови и слез на веках и слабый шелест листьев на ветру. Эти ощущения теснились в его голове, заставляя отступать от чувства вины, поскольку тело заставляло его признать их, даже когда он осознавал грызущий голод в желудке и жжение жажды в задней части горла.

Это сбивало его с толку, разум не мог разобраться в полученной информации. Он был мертв и не мог испытывать жажду или голод, но почему тогда его тело взывало о пропитании? Он был мертв, он знал это, яд, который ему дали, был смертельным, он убивал за пять часов, и от него не было противоядия. Он не мог выжить, но постепенно осознавал тяжелое дыхание, вырывавшееся из груди, и ровный стук сердца.

Он с усилием приподнял веки, сквозь зубы вырвался вздох боли, когда он смахнул с них корку засохшей крови. Почти сразу же он снова закрыл их, когда в зрачки ударил яркий свет, почти ослепивший его после темноты. Он подождал, пока пульсация в голове немного утихнет, и

осторожно приоткрыл веки еще раз.

Свет все еще был там, но его блики немного ослабли, и он смог различить высокую белую фигуру в развевающихся мантиях, стоящую перед ним. Гарри заставил себя встать: это существо должно было быть каким-то божеством, и те несколько раз, когда он в детстве бывал в церкви, говорили ему, что он должен преклонить колени. Но едва он начал двигаться, как тонкая рука протянулась и мягко опустила его обратно на землю.

"Лежи спокойно, дитя", - сказал мягкий музыкальный голос, - "Несмотря на то что мы удалили яд, ты всё ещё сильно ранен".

Гарри растерянно моргнул: он был мёртв, так как же он мог быть ранен, это было невозможно, и к тому же он не был ребёнком. Раздался чистый смех, похожий на колокольчик, и Гарри растерялся, хотя этот звук его успокоил. В этом звуке и голосе было столько доброты, что, даже зная, что это не то, чего он заслуживает, он не мог не утешиться.

"Дитя, ты больше не мертв", - мягко пояснил голос, отвечая на невысказанный вопрос, пронесшийся в голове Гарри. "Ты в Среднеземье".

Гарри открыл рот, чтобы задать вопрос, но его голос хрипел в горле, отдаваясь болью. "Тише, дитя", - мягко приказал голос, по краям которого звучала озабоченность, - "Не причиняй себе еще больше боли, позволь мне рассказать тебе то, что ты должен знать". Гарри моргнул в знак признательности, уверенный в том, что это, по крайней мере, безболезненный ответ.

Мелодичный голос продолжил: "Тебя привели сюда, чтобы ты обрёл надежду в грядущей войне и получил второй шанс".

При этих словах разум Гарри отступил внутрь. Он не мог сделать это снова, не мог быть спасителем, не мог быть тем, в чьих руках находится судьба мира, он снова потерпит неудачу, он причинит боль людям, а он устал от войны, устал бороться изо дня в день за выживание. Он не мог сделать это снова; они не могли требовать от него ничего другого, кроме этого.

"Нет, дитя, - ворвался в его панику голос, - ты не понял, бремя этой войны ляжет не на твои плечи - это удел других. Ты должен стать их надеждой, показать им, что тьма не всепоглощающая и что в небесах еще остался свет. Тебе даже не придется сражаться, если ты этого не захочешь".

Гарри позволил панике улетучиться при этих словах, ему не нужно было сражаться, если он этого не хотел, на его плечах не было груза другого мира, но фигура ещё не была закончена: "И у тебя есть второй шанс обрести семью и детство, чтобы тебя защищали и лелеяли, как и должно было быть".

Глаза Гарри расширились при этих словах: у него не могло быть семьи, он был уродом и причинил им боль, а потом его поразила фраза о детстве, и лицо выдало его замешательство:

ему было восемнадцать, он был взрослым, так как же у него могло быть детство?

"Чтобы перенести тебя в это царство и справиться с ядом в твоей крови, нам пришлось изменить тебя. Теперь у тебя эльфийская кровь, и мы дали тебе понимание эльфийского языка. Ты стареешь медленнее и живешь дольше, чем полноценный человек: в детстве ты прибавляешь один год за каждые три, а во взрослой жизни - один за каждые пять, что дает тебе детство".

На фоне яркого света Гарри показалось, что они улыбаются, затем они потянулись вниз и надели что-то ему на голову, после чего положили руку ему на лоб. "Будь в безопасности, дитя, твоя магия защитит тебя, а наша звезда направит тебя".

На его глазах фигура начала исчезать в тумане: "Подожди, - отчаянно закричал он, его голос срывался, а в горле вспыхивала боль, когда он выдавливал из себя слова, - не оставляй меня!"

Фигура не сделала паузы, но Гарри услышал голос, который отчетливо прозвучал в его сознании: "Мы всегда будем присматривать за тобой". А потом фигура исчезла, ее облик затерялся в тумане.

Очень медленно Гарри поднялся на ноги, прикусив губу от боли, и обшарил глазами окрестности. Он находился в дикой местности, деревья и кустарник цеплялись за обнаженные скалы, на многие мили не было ни единого признака живого человека, а желудок болел от голода и жажды. Он осторожно поднялся на ноги, крепко прижимая к груди сломанное запястье, слегка покачиваясь от боли в ранах и борясь с рваными остатками мантии волшебника, которая была ему теперь слишком велика.

Он услышал легкое журчание ручья неподалеку и заставил себя двигаться вперед: годы работы в саду своего родственника, несмотря на полученные раны, дали ему силу воли, чтобы оставаться на ногах, и он медленно добрался до ручья.

С жадностью опустив руки, он зачерпнул горсть за горстью прохладной чистой воды, позволяя воде успокоить его ноющее горло и мягко плеснуть на раны, на мгновение избавляя от боли. Только утолив жажду, он впервые взглянул на собственное отражение.

На него смотрел ребенок, которому было не больше пяти-шести лет. Черные волосы слиплись от засохшей крови, а по лицу, рукам и телу расплывались уродливые раны, красные и кровоточащие. Ярко-зеленые глаза, глаза его матери, смотрели на него, их блеск слегка притупился от боли и страха, а рваная черная ткань, которая когда-то была одеждой, а теперь была не более чем лохмотьями, висела на нем, обтягивая его маленькую фигуру, но все же не в силах скрыть неестественную худобу. На горле висело незнакомое ожерелье, мерцавшее в отражении.

Он опустил взгляд вниз и провел пальцами по единственному амулету, висевшему на нем. Он имел форму звезды, слабо светился каким-то внутренним светом, и, несмотря на холодную полированную поверхность того, что было почти драгоценным камнем, он почувствовал легкое

тепло, исходящее от него. От этого ему стало немного легче: пусть он и находился в пустыне, в чужом мире, но он был не совсем один, и какие бы существа ни оставили его здесь, они не бросили его совсем, как он надеялся.

Но эта слабая надежда исчезла так же быстро, как и появилась, когда его осенила реальность положения. Он был один, беззащитный ребенок посреди дикой природы, без крова, без возможности найти еду и к тому же раненый. Он не смог бы сделать убежище, слишком мал, и чувствовал, что его магия устала от борьбы с Волдемортом, даже заклинания первого года обучения были бы слишком сложны для него, а ночь уже начинала опускаться.

Он дрожал, натягивая на себя лохмотья в тщетной попытке согреться. Почему он оказался здесь, почему снова оказался один, брошенный в чужой мир, где он ничего и никого не знал? Часть его разума говорила ему, что он заслужил это, и он свернулся в клубок, стараясь не причинить себе еще больше боли, но большая часть его не чувствовала ничего, кроме страха и одиночества, и тихонько зарыдала, точно ребенок, не в силах сдержать слез.

Он плакал до тех пор, пока у него не осталось слез. Наступила ночь, и на небе появились первые звёзды. Гарри задрожал еще сильнее, прикусив губу, чтобы не вырвалось шипение боли, поскольку движение усугубило его раны. Но вдруг он услышал звук, который мгновенно заморозил его. Несмотря на то что он был всего лишь ребёнком и находился в мире, совершенно не похожем на его собственный, его слух мгновенно различил характерный звук человека, легко ступающего по зарослям.

<http://tl.rulate.ru/book/103154/3587781>